

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена проблеме развития теории конвенционального сдерживания в современной политической науке. Для более четкого представления о динамике ее развития рассматриваются также основные этапы развития «общей» теории сдерживания с учетом того, что именно в ее рамках и с использованием ее научного инструментария и терминологической основы получила свое развитие и теория конвенционального сдерживания.

Ключевые слова: теория сдерживания; конвенциональное сдерживание; исследования в сфере безопасности; теория международных отношений; военно-политические аспекты региональной безопасности.

Силовой фактор, в частности угроза использования силы, всегда использовался в качестве чрезвычайно эффективного внешнеполитического ресурса. Уже длительное время изучение феномена силовых угроз стало одним из важнейших направлений в рамках политической науки, и в первую очередь в рамках *теории сдерживания*. Проблематика сдерживания в региональных конфликтах в последние десятилетия вызывает у исследователей все возрастающий интерес, одновременно требуя глубокого теоретического анализа и систематизации. При этом если в годы «холодной войны» сдерживание преимущественно подразумевало сдерживание ядерными вооружениями, то в последние десятилетия все более увеличивается значение конвенционального военного сдерживания (т.е. сдерживания с помощью обычных вооружений)¹.

Теоретическая база исследований проблематики сдерживания насчитывает тысячи научных и научно-практических публикаций, особенно в англоязычной литературе. Формирование теории сдерживания как целостной научной концепции и основы реализации практической политики многих стран, в первую очередь ядерных сверхдержав, пришлось на период «холодной войны». Можно даже утверждать, что в течение полувекового периода «холодной войны» ни одна из отраслей исследований в сфере безопасности или теории международных отношений не получила такого распространения, как сдерживание.

Развитие теории сдерживания связано с именами таких классиков политической науки или военно-стратегической мысли, как Бэзил Лиддел Гарт, Бернард Броди, Генри Киссинджер, Томас Шеллинг, Герман Кан, Александр Джордж, Джон Миршеймер, Патрик Морган, Лоуренс Фридман, Самуэль Хантингтон, Эдуард Люттвак и др. Становление и развитие таких всемирно известных аналитических центров, как RAND Corporation, Фонд Карнеги, SIPRI, IISS, ИМЭМО и ИСК РАН, многих других мировых исследовательских центров и ведущих университетов также связано с проблематикой сдерживания. Отмечая громадное научно-практическое значение теории сдерживания, один из ведущих российских ученых-международников Сергей Караганов подчеркивает, что она «фактически является одной из основ теории международных отношений. Теория сдерживания применима как к отношениям между государствами, так и внутри общества, к отношениям даже между людьми» [1. С. 122]. Данная работа посвящена проблеме развития теории конвенциональ-

ного сдерживания в современной политической науке. Вместе с тем для более четкого представления о динамике ее развития надо вкратце также рассмотреть основные этапы развития «общей» теории сдерживания, так как именно в ее рамках и с использованием ее научного инструментария и терминологической основы получило свое научно-теоретическое развитие и конвенциональное сдерживание.

Еще в конце 1970-х гг. видный американский ученый Роберт Джервис назвал теорию сдерживания «возможно, самой влиятельной школой мысли в американских исследованиях по международным отношениям», подчеркивая необходимость рассмотрения ее, наряду с принуждением, в рамках более широкой «теории силовой политики» Томаса Шеллинга [2. Р. 289]. Классифицируя этапы развития теории сдерживания как научной концепции и практического инструментария реализации политики, Джервис уже в конце 1970-х гг. выделял три основных «волны» мировых исследований в данной сфере.

Несколько переформатировав данную классификацию, в ее рамках представляется целесообразным к «первой волне» отнести период, начавшийся непосредственно после окончания Второй мировой войны и продолжавшийся вплоть до середины 1950-х гг., когда появились труды Бернарда Броди и других первых теоретиков ядерного сдерживания [3]². «Вторая волна» (конец 1950-х – середина 1960-х гг.), которую можно назвать «классической» или даже «канонической» в развитии теории сдерживания, без сомнения, внесла наиболее существенный вклад в ее формирование как целостного и достаточно строгого научного течения в мировой политической науке, характеризуясь целой плеядой исследователей, научное наследие которых не потеряло своей актуальности вплоть до нашего времени [5–11].

Наконец, «третья волна» в теории сдерживания (конец 1960-х – начало 1980-х гг.) знаменовалась этапом широкого распространения данного научного направления с активным внедрением в практику политической реализации в США, Великобритании и других странах мира. Одним из наиболее важных трудов указанного периода явилась публикация Александра Джорджа и Ричарда Смоука [12]. Она рассматривала теорию и практику сдерживания во внешней политике США с упором не на преобладающие в то время проблемы «центрального» ядерного сдерживания сверхдержав, а применительно к локальным конфликтам в

различных регионах мира, а также периферийным конфликтам, в которых две сверхдержавы принимали опосредованное участие или вовлекались через своих союзников и сателлитов. В данный период появилось множество иных работ, исследующих самые различные аспекты сдерживания, а также попытки применения к ним новых направлений политической науки и теории международных отношений, к примеру в рамках теории игр, анализа процесса принятия решений, использования количественных методов в теории безопасности (хотя они появились еще в 1950-х гг.) и др. [13, 14]³.

Продолжая логику классификации Джервиса, можно выделить «четвертую волну»⁴ развития теории сдерживания, характеризующуюся расцветом и концептуальным оформлением конвенционального сдерживания. Она началась с конца 1970-х – начала 1980-х гг. и связывается во многом с именами Джона Миршеймера, Самюэля Хантингтона, Джорджа Кюстера, Джонатана Шимшони и ряда других теоретиков [18–21].

«Пятая волна» началась на рубеже окончания «холодной войны» и распада биполярного мира, когда теория сдерживания приобрела новый смысл и содержание. Стало заметным продолжающееся смещение (с сохранением тематики стратегической стабильности и ядерного сдерживания) в сторону более востребованных теорий сдерживания с помощью обычных вооружений, а также применения сдерживания скорее к региональным, а не глобальным системам безопасности. С началом XXI в. стали предприниматься более активные попытки проецирования теории сдерживания на новые вызовы и угрозы безопасности, в том числе нетрадиционного характера. Тематика «классического» сдерживания стала подменяться новыми концепциями сдерживания терроризма и асимметричных угроз, превентивного и преземптивного сдерживания, «осевого» сдерживания (*pivotal deterrence*), конвенционального принуждения и т.д. [22–26]. В 2000-е гг. было опубликовано несколько работ современных англосаксонских «классиков» теории сдерживания (Питера Моргана, Лоуренса Фридмана, Колина Грея, Френка Загара и др.). Они ставили целью обобщение развития теории сдерживания после окончания «холодной войны» (в том числе на основе своих собственных работ, опубликованных в предыдущие десятилетия) и при этом предприняли попытки в очередной раз приспособить теорию сдерживания к современным вызовам и проблемам [30–33].

В СССР при фактическом использовании механизмов сдерживания в военно-стратегическом планировании в силу ряда специфических особенностей, во многом связанных с цензурой и централизованным политико-идеологическим контролем над научной деятельностью, теория сдерживания не была столь четко выражена в научной сфере. Это, к примеру, создало некоторую путаницу в русскоязычных терминах (ту же двойственность в терминологии, обозначающей *deterrence* и *containment* одним словом «сдерживание»). Как признают ведущие советские / российские эксперты, теория сдерживания в бывшем Советском Союзе разрабатывалась «со значительным опозданием к развитию его материальной основы» [34. С. 893]. В то же время надо отметить, что разрабатываемая с опреде-

ленным временным лагом советская школа изучения проблем стратегического сдерживания, используя во многом аналогичный научный инструментарий и концептуальную базу, уже к началу 1980-х гг. вплотную приблизилась к западным подходам в теории ядерного сдерживания [35. Р. 85–86]. После распада СССР теорию сдерживания продолжили развивать такие крупные российские исследователи, как А. Кокошин, С. Караганов, Г. Арбатов, А. Арбатов, В. Дворкин, С. КОРТУНОВ, С. ОЗНОБИЩЕВ, С. РОГОВ и др. [36–38]. В настоящее время исследованиями в сфере теории сдерживания на постсоветском пространстве занимаются также современные российские ученые О. Иванов, А. Фененко, Ю. Печатнов, украинский исследователь П. Синовец и др. [39–48].

Таковы вкратце основные этапы становления «общей» теории сдерживания в мировой политологической литературе и исследованиях в сфере безопасности. Естественно, приведенная типология не является полной с учетом постоянного развития теории сдерживания на современном этапе (например, новые концепции «комплексного», «динамичного» или «совершенного» сдерживания или актуализация исследований о роли рациональности в теории сдерживания) [49, 50]. Приведенный выше анализ литературы по проблемам «общей» теории сдерживания не является полным и всеобъемлющим. Он включает в себя лишь наиболее важные, по нашему мнению, работы, внесшие существенный или даже фундаментальный вклад в развитие и современное состояние теории сдерживания, а также в практику ее использования в политике. На этом фоне уже можно обратиться к более подробному и детальному анализу динамики развития и нынешнего состояния дел в теории конвенционального сдерживания.

Задолго до появления ядерного оружия сдерживание противника от совершения им нежелательного шага (например начала войны) под угрозой причинения неприемлемого урона, обесценивающего весь смысл возможной победы в развязанной войне, являлось широко распространенным феноменом военно-политических отношений, известным с глубокой древности. Два века назад Карл фон Клаузевиц уже дал достаточно емкое определение логики сдерживания: «Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение... Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир» [51. С. 44]. Развитие военно-стратегического мышления на основе элементов и категорий, которые впоследствии должны были лечь в основу теории конвенционального сдерживания, продолжалось уже в следующем веке.

В первые десятилетия XX в., перед и непосредственно после Первой мировой войны в трудах итальянского военного теоретика и апологета использования авиации (особенно бомбардировочной) в качестве решающего военно-политического средства ведения войны генерала Дуэ и его последователей стали проявляться истоки теории конвенционального сдерживания [52]. Оформление логики конвенционального сдержи-

вания продолжились и в межвоенный период, например в трудах известного британского военного историка и теоретика Бэзила Лиддел Гарта⁵. Как отмечает Патрик Морган, «многие элементы мышления в категориях сдерживания появились еще до Второй мировой войны, а важные концепции по контролю над вооружениями, применимые в теории ядерного сдерживания, широко обсуждались уже после Первой мировой войны»⁶. Вторая мировая война, с массированным использованием бомбардировочной авиации вначале Германией против Великобритании, а затем и союзниками (Великобританией и США) против нее, дала новый толчок к реализации довоенных концептуальных разработок по использованию авиации и стратегических авиационных бомбардировок в качестве не только решающего военного, но и существенного военно-политического ресурса [55. Р. 266–278].

Несмотря на достаточно важный и впечатляющий эффект стратегических авиационных бомбардировок во время Второй мировой войны, а также последующего массированного применения авиации США в ходе локальных конфликтов в Корее и Вьетнаме, такая составляющая конвенционального сдерживания, как наказание путем нанесения неприемлемого ущерба (*deterrence by punishment*), стала серьезным фактором лишь после приобретения обычными вооружениями, особенно так называемыми «дистанционными» средствами ведения военных действий (тактические и оперативно-тактические ракетные комплексы, крупнокалиберные реактивные системы залпового огня – РСЗО, а также оснащенная высокоточным управляемым оружием реактивная штурмовая и бомбардировочная авиация), качественно новых возможностей по точному поражению и нанесению ущерба стратегически важным военным и гражданским целям противника, промышленной и транспортной инфраструктуре, крупным городам и т.д. Многие исследователи отмечают, что формирование теории конвенционального сдерживания как целостной научной концепции и инструмента практической политики пришлось на конец 1970-х – начало 1980-х гг. Важную роль сыграли также появление высокоточного управляемого оружия (ВТО), непосредственно на поле боя изменившего сами методы ведения войны, и «Революция в военном деле» (RMA), повысившие эффективность другой составляющей конвенционального сдерживания – «сдерживания путем лишения» (*deterrence by denial*) [56].

В результате с конца 1970-х гг. конвенциональное сдерживание начало играть все возрастающую роль в дискуссиях в странах НАТО относительно перспектив стратегического сдерживания СССР/ОВД на европейском континенте. Это происходило на фоне концептуального кризиса ядерного сдерживания и усиливавшихся сомнений у европейских союзников по НАТО в том, что США будут готовы применить «самоубийственное» стратегическое ядерное сдерживание в случае успешного наступления ОВД в Европе с использованием обычных вооружений. Велось также достаточно активное обсуждение возможностей совмещения элементов ядерного и конвенционального сдерживания в общей стратегии НАТО, в том числе в контексте концепции так называемой «ограниченной войны» в Евро-

пе [57. Р. 248–265]. Уже в середине 1980-х гг. конвенциональное сдерживание начало восприниматься экспертами НАТО (и в целом в западных исследованиях в сфере безопасности) в качестве эффективного и действенного дополнения к ядерному сдерживанию [58].

Одним из ключевых исследований, внесшим существенный вклад в развитие теории конвенционального сдерживания, явилась уже упомянутая и широко известная монография Джона Миршеймера [18]. Ее идеи были развиты Миршеймером в ряде последующих публикаций в авторитетных западных академических научных изданиях в 1980-х гг. [59–61]. Работы Миршеймера получили широкий резонанс ввиду актуальности затрагиваемых им проблем конвенционального сдерживания в контексте военно-политической ситуации 1980-х гг. и усиливающегося противостояния между обычными вооруженными силами НАТО и ОВД на Европейском континенте. Это не только активизировало академические дебаты на Западе по проблемам конвенционального сдерживания, но и подстегнуло интерес к уже имеющимся или разрабатываемым научно-практическим проблемам в смежных теориях и концепциях в рамках военно-стратегических исследований. Например, это касалось теории конвенционального баланса, проблематики конвенциональной гонки вооружений и определения параметров разоружения в рамках ДОВСЕ [62] и особенно военно-исторических исследований с использованием элементов теории сдерживания.

В частности, достаточно интересные наблюдения, основанные на исторических примерах провалов или успехов конвенционального сдерживания, можно найти в работе Ричарда Розекранца (в соавторстве с Аланом Александром), анализирующего возможности реализации политики сдерживания в 1939 г. [63]. Как и в его более поздней статье, основывающейся на примерах вступления Германии в Первую мировую войну, а также действий Британии и Германии во время Второй мировой войны, Ричард Розекранц указывает, что одним из главных уроков во всех указанных случаях было то, что «количественный баланс вооружений вряд ли является решающим (тем более определяющим) фактором в решении вступить в войну» [64. Р. 29]. Исторический анализ попыток реализации элементов конвенционального сдерживания на примере развязывания Первой мировой войны также приводится в широко известном исследовании Барбары Такман [65] и в ряде других работ [66].

Анализ механизма и причин начала вооруженных конфликтов на примере Первой мировой войны и ряде других исторических аналогий примерно с середины 1960-х гг. занял достаточно важную нишу в исследованиях в сфере безопасности с использованием междисциплинарного научного инструментария на стыке теории сдерживания, теории и истории международных отношений, а также военно-исторических и стратегических исследований. Данное научное направление получило дальнейшее развитие в рамках так называемой «теории наступления и обороны», т.е. соотношения между обороной и нападением, а также между оборонительными и наступательными видами вооружений в качестве факторов и причин развязывания

войн и вооруженных конфликтов (*offense-defense theory*). Оно напрямую соприкасается с одним из ключевых элементов в логике конвенционального сдерживания, связанным с наличием оптимизма и веры в быструю и сравнительно бескровную успешную войну у руководства страны-агрессора, препятствующим успешной реализации сдерживания, приводящим к его провалу и развязыванию конвенциональных войн [67–69].

Оригинальный и в то же время важный вклад в развитие теории конвенционального сдерживания внесла статья Самуэля Хантингтона «Конвенциональное сдерживание и конвенциональное возмездие». Кроме достаточно глубокого анализа концепции конвенционального сдерживания на примере противостояния НАТО и ОВД в Европе и сопутствующих многочисленных военно-политических факторов, Хантингтон в своей статье также выдвинул достаточно революционную идею конвенционального возмездия для сдерживания наступления ОВД в Европе. Согласно С. Хантингтону, в случае успеха наступления ОВД с использованием обычных вооружений конвенциональное возмездие должно было заменить предусматриваемую натовскими концепциями опасную эскалацию ядерного возмездия (начинающуюся с использования тактического ядерного оружия «поля боя» до обмена ударами стратегическими межконтинентальными ракетами)⁷. В качестве конвенционального возмездия Хантингтон выдвигал возможность стремительного натовского контр наступления обычными вооруженными силами в Восточную Европу. Это, по его мнению, могло бы привести к взрыву сопротивления и борьбы местного населения в восточноевропейских странах-сателлитах против господства СССР и собственных коммунистических властей. Как отмечалось в статье Хантингтона, «Сдерживание без возмездия слабо; возмездие путем эскалации (здесь имеется в виду возможность ядерной эскалации. – Прим. автора) – рискованно. Конвенциональное сдерживание усиливает первое без увеличения риска для второго» [19. С. 41]⁸.

В последние десятилетия научный инструментарий конвенционального сдерживания активнее используется для анализа и объяснения логики многих региональных конфликтов. Предпринимаются попытки переосмысления новой роли конвенциональных вооружений с учетом опыта локальных конфликтов 1990–2000-х гг., где конвенциональное сдерживание уже выступает в качестве одного из составных элементов в рамках более широких концепций (например, концепции превентивного силового принуждения). Это вновь актуализировало проблематику конвенционального сдерживания в рамках мировых военно-стратегических исследований и общей теории безопасности [73–75]. При этом в Соединенных Штатах конвенциональное сдерживание (особенно с использованием ВТО) уже рассматривается, наряду с ядерными вооружениями, как один из элементов расширенного стратегического сдерживания в рамках обновленной «Стратегической Триады» США [76. С. 32].

Как уже отмечалось, вплоть до развала СССР проблематика сдерживания, в силу специфики закрытости научно-практической сферы военно-стратегических исследований, сравнительно мало обсуждалась и публично освещалась в советской / российской науке. Однако следует предполагать, что, в отличие от ядерного сдерживания, интерес к проблематике конвенционального сдерживания в СССР был сравнительно небольшим (в отличие от его ренессанса в 1980-х гг. на Западе). Во многом это объяснялось тем, что вплоть до подписания ДОВСЕ и распада ОВД СССР и Организации Варшавского Договора обладали существенным количественным и даже качественным превосходством в обычных вооружениях в Европе с более благоприятными стартовыми возможностями для конвенционального наступления (в соответствии с принятой в начале 1980-х гг. советской «Стратегией равной готовности к активному ведению всех видов войн»).

Российская политическая наука в 1990-е гг. также практически не уделяла внимания проблематике конвенционального сдерживания, что во многом было вызвано возросшей значимостью ядерного сдерживания на фоне коллапса и атрофии обычных вооруженных сил РФ (процесс почти обратный тому, что происходило в США и в других странах НАТО). Российские специалисты, занимающиеся тематикой роли обычного вооружения в обеспечении безопасности, в основном ограничивались работами, в той или иной степени касающимися проблематики ДОВСЕ, или рассматривали данную проблему в контексте роли высокоточного конвенционального оружия в арсенале стратегического сдерживания [77].

Лишь с середины 2000-х гг. в российских исследованиях в сфере безопасности активизировалось внимание к роли конвенциональных сил в обеспечении безопасности Российской Федерации. Однако даже на их фоне конвенциональное сдерживание рассматривалось преимущественно лишь как один из первоначальных элементов деэскалации конфликтов на раннем этапе, до использования ядерного оружия: «...сдерживание агрессии с применением обычных средств поражения основывается на угрозе нанесения заданного ущерба как группировкам войск, так и военно-экономическому потенциалу противника, а также на угрозе ядерной эскалации конфликта до массированного обмена ядерными ударами» [78. С. 11]. Как отмечают российские военные эксперты, в данном случае преимуществом конвенционального («неядерного», по одной из используемых ими классификаций) сдерживания является, в частности, «повышение порога применения ядерного оружия в случае конфликта между странами, обладающими таковым оружием; проверка серьезности гипотетической агрессии со стороны вероятного противника (если неядерными средствами его не удастся удержать от начала или продолжения агрессии, тогда переход к применению ядерного оружия будет закономерным и неизбежным)» [79. С. 12].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В силу особенностей русскоязычной политологической терминологии (использование слова «сдерживание» для обозначения двух различных англоязычных терминов) следует отличать термин *deterrence* – преимущественно военно-силовое сдерживание – от сдерживания политико-дипломатическими методами – *containment*.

- ² Достаточно концептуальный обзор динамики развития теории и практики ядерного сдерживания, начиная с первых попыток ее формирования во второй половине 1940-х гг., приводится в одной из более поздних работ Б. Броди [4].
- ³ Достаточно подробный анализ теории игр применительно к международным отношениям и исследованиям в сфере безопасности дан в [15].
- ⁴ Некоторые исследователи используют другую хронологию этапов развития теории сдерживания, выделяя в качестве «четвертой волны» работы, появившиеся с начала 1990-х гг. и направленные во многом на исследование новых, «нетрадиционных» угроз, для противодействия которым необходимо дальнейшее развитие теории сдерживания. Однако мы в нашей работе предпочитаем иную хронологию динамики исследований в рамках данной теории с большим упором на роль конвенционального сдерживания в общей теории сдерживания. См. подробнее [16, 17].
- ⁵ Подходы Б. Лиддел Гарта к проблематике сдерживания получили окончательное оформление уже значительно позднее, к началу 1960-х гг. См. подробнее [53]. См. также рецензию на эту книгу сенатора и будущего президента США Джона Ф. Кеннеди [54].
- ⁶ К примеру, в 1930-е гг. в Великобритании стали задумываться над использованием стратегических бомбардировок в качестве сдерживающего ресурса с предварительными расчетами и дискуссиями о том, какие цели должны быть приоритетными – военные и промышленные или же политическая воля и психологическое восприятие противником собственной способности продолжать боевые действия. Тем самым проявлялись первые признаки разделения на сдерживание путем обороны (*сдерживание лишением*) и сдерживание путем возмездия. Аналогичные расчеты об использовании в качестве элемента сдерживания стратегических бомбардировок начинали предприниматься и в США. См. подробнее [31. Р. 4–17].
- ⁷ Речь идет о реализуемой США (с 1961 г.) и НАТО (с 1967 г.) «Стратегии гибкого реагирования», требующей большего внимания к развитию конвенциональных сил общего назначения. См. подробнее [70]. О взглядах советских исследователей на развитие и функционирование «Стратегии гибкого реагирования» см. подробнее [71].
- ⁸ Критику некоторых выдвинутых С. Хантингтоном в его концепции идей в контексте военно-политической ситуации на Европейском континенте в 1980-х гг. см. подробнее [72].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кагапанов С.* Теория сдерживания оказалась общей теорией международных отношений // *Международные процессы*. Сентябрь – декабрь 2005. Т. 3, № 3 (9).
2. *Jervis R.* Deterrence Theory Revisited // *World Politics*. January 1979. Vol. 31, № 2.
3. *Brodie B. (ed.)*. The Absolute Weapon. N. Y. : Harcourt, Brace, 1946.
4. *Brodie B.* The Development of Nuclear Strategy // *International Security*. Spring, 1978. Vol. 2, № 4.
5. *Brodie B.* Strategy in the Missile Age. RAND: Santa Monica, 15 January 1959.
6. *Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. January 1959. Vol. 37, № 2.
7. *Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton : Princeton University Press, 1960 (2007 edition with a new introduction by Evan Jones, Transaction Publishers, 2007).
8. *Schelling T.* Strategy of Conflict. N. Y. : Oxford University Press, 1963 (русскоязычное издание: Шеллинг Томас, Стратегия конфликта, М., 2007).
9. *Schelling T.* Arms and Influence. New Haven ; London : Yale University Press, 1966 (2008 Edition with a New Preface and Afterword).
10. *Snyder G.H.* Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. Princeton : Princeton University Press, 1961.
11. *Галлуа П.* Стратегия в ядерный век. М., 1962.
12. *George A. Smoke Richard.* Deterrence in American Foreign Policy. N. Y. : Columbia University Press, 1974.
13. *Morgan P.* Deterrence: A Conceptual Analysis. SAGE Library of Social Research. № 40. Beverly Hills ; London : SAGE Publications, 1977.
14. *Jervis R.* Cooperation under the Security Dilemma // *World Politics*. January. 1978. Vol. 30, № 2.
15. *Дегтепов Д., Дегтепов А.* Теория игр и международные отношения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 2.
16. *Knopf J.* The Fourth Wave of Deterrence Research // *Contemporary Security Policy*. April. 2010. Vol. 31, № 1.
17. *Lupovici A.* The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory – Toward a New Research Agenda // *International Studies Quarterly*. September. 2010. Vol. 54, № 3.
18. *Mearsheimer J.* Conventional Deterrence. Ithaca ; London : Cornell University Press, 1983.
19. *Huntington S.* Conventional Deterrence and Conventional Retaliation // *International Security*. Winter. 1983/84. Vol. 8, № 3.
20. *Quester G.* Conventional Deterrence: The Past as Prologue // *Conventional Forces and Future of Deterrence*. Carlisle Barracks. February. 1992.
21. *Shimshoni J.* Israel and Conventional Deterrence: Border Warfare from 1953 to 1970. Ithaca ; London : Cornell University Press, 1988.
22. *Gray C.* The Implications of Preemptive and Preventive War Doctrines: A Reconsideration, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, July, 2007.
23. *Gearson J.* Deterring Conventional Terrorism; From Punishment to Denial and Resilience // *Contemporary Security Policy*. April. 2012. Vol. 33, № 1.
24. *Crawford T.* Pivotal Deterrence: Third-Party Statecraft and the Pursuit of Peace. Ithaca : Cornell University Press, 2003.
25. *Arreguin-Toft I.* Unconventional Deterrence: How the Weak Deter the Strong. Complex Deterrence / ed. by T.V. Paul, Patrick M. Morgan & James J. Wirtz. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2009.
26. *Bowen W.* Deterrence and Asymmetry: Non-State Actors and Mass Casualty Terrorism // *Contemporary Security Policy*. April. 2004. Vol. 25, № 1.
27. *Дериглазова Л.А.* Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
28. *Степанова Е.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. М. : ИМЭМО РАН, 2010.
29. *Дериглазова Л., Минасян С.* Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте // *Аналитические доклады Института Кавказа*. Январь. 2011. № 3.
30. *Morgan P.* The State of Deterrence in International Politics Today // *Contemporary Security Policy*. April. 2012. Vol. 33, № 1.
31. *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
32. *Freedman L.* Deterrence. Polity Press, 2004.
33. *Gray C.* Maintaining Effective Deterrence. Carlisle: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2003.
34. *Кокошин А.А.* Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // *Вестник Российской академии наук*. 1999. Т. 69, № 10.
35. *Simes D.* Deterrence and Coercion in Soviet Policy // *International Security*. Winter 1980/1981. Vol. 5, № 3.
36. *Кокошин А.А., Веселов В.А., Лусс А.В.* Сдерживание во втором ядерном веке. М., 2001.
37. *Кокошин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М., 2003.
38. *Ядерное сдерживание и нераспространение* / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М. : Московский центр Карнеги, 2005.
39. *Иванов О.* Применение военной силы США: рациональный и иррациональный подход. М., 2007.
40. *Иванов О.* Стратегия сдерживания в политике США // *Обозреватель – Observer*. 2008. № 8.
41. *Фененко А.* Современные концепции ядерного сдерживания // *Международные процессы*. Май – Август. 2012. Т. 10, № 2 (29).
42. *Фененко А.* Современные военно-политические концепции США // *Международные процессы*. Январь – Апрель. 2009. Т. 7. № 1 (19).
43. *Фененко А.* Парадоксы ядерного сдерживания // *Международные процессы*. Май – Август. 2004. Т. 2, № 2 (5).
44. *Печатнов Ю.А.* Анализ отечественных и зарубежных подходов к разработке концептуальных моделей силового стратегического сдерживания // *Вооружение и экономика*. 2011. № 2 (14).

45. *Синовец П.* Двудликий Янус, или Теория ядерного сдерживания в XXI веке. Одесса, 2008.
46. *Minasyan S.* The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment. PONARS Eurasia Policy Memo. The George Washington University, Washington, D.C., № 188, September 2011.
47. *Минасян С.* Поиск стабильности в карабахском конфликте: между конвенциональным «устрашением» и политическим сдерживанием // Россия в глобальной политике. Январь – февраль 2012. Т. 10, № 1.
48. *Minasyan S.* Coercion in Action: Deterrence and Compellence in the Nagorno-Karabakh Conflict. PONARS Eurasia Policy Memo. The George Washington University, Washington, D.C., № 242, September 2012.
49. *Complex Deterrence* / ed. by T.V. Paul, Patrick M. Morgan & James J. Wirtz. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 2009.
50. *Zagare Franc C., Kilgour D. Marc.* Perfect Deterrence. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
51. *Клаузевиц К.* О войне. М., 2007.
52. *Вотье П.* Военная доктрина генерала Дуэ. М. : Государственное военное издательство, 1935.
53. *Liddell Hart B.* Deterrent or Defense: A Fresh Look at the West's Military Position, Praeger, 1960.
54. *Book Review* by Senator John F. Kennedy of «Deterrent or Defense» by B.H. Liddell Hart // Saturday Review of Literature, September 3, 1960. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25937>
55. *Overy R.* Air Warfare // The Oxford History of Modern War, ed. by Charles Townshend. Oxford : Oxford University Press, 2000.
56. *Mearsheimer J.J.* Precision-guided Munitions and Conventional Deterrence // Survival. 1979. Vol. 21, is. 2.
57. *Queser G.* Substituting Conventional for Nuclear Weapons: Some problems and Some Possibilities. Nuclear Deterrence: Ethics and Strategy / ed. by Russell Hardin, John J. Mearsheimer, Gerald Dworkin, and Robert E. Goodin. Chicago : The University of Chicago Press, 1985.
58. *Strengthening Conventional Deterrence in Europe: Proposals for the 1980s* // Report of the European Security Study. N. Y., 1983.
59. *Mearsheimer J.* Prospects for Conventional Deterrence in Europe // The Bulletin of the Atomic Scientists. August, 1985. Vol. 41, № 7.
60. *Mearsheimer J.* Numbers, Strategy and the European Balance // International Security. Spring, 1988. Vol. 12, № 4.
61. *Mearsheimer J.* Assessing the Conventional Balance: The 3:1 Rule and Its Critics // International Security. Spring, 1989. Vol. 13, № 4.
62. *Rohn Laurinda L.* Conventional Forces in Europe: A New Approach to the Balance, Stability, and Arms Control, RAND: Santa-Monica, May, 1990.
63. *Alexandroff A., Rosecrance R.* Deterrence in 1939 // World Politics. April 1977. Vol. 29, № 3.
64. *Rosecrance R.* Deterrence and Vulnerability in the Pre-Nuclear Erae // Future of Strategic Deterrence. Part I. Adelphi Papers. London : IISS, 1980. № 160.
65. *Такман Б.* Августовские пушки. М., 1972.
66. *Lynn-Jones Sean M.* Détente and Deterrence: Anglo-German Relations, 1911–1914 // International Security. Autumn, 1986. Vol. 11, № 2.
67. *Snyder J.* Civil-Military Relations and the Cult of the Offensive, 1914 and 1984 // International Security. Summer, 1984. Vol. 9, № 1.
68. *van Evera S.* Offense, Defense, and the Causes of War // International Security. Spring, 1998. Vol. 22, № 4.
69. *Stoessinger J.* Why Nations Go to War. (Tenth Edition). Thomson Wadsworth : Belmont, 2005.
70. *McKittrick Myra Struck.* A Conventional Deterrent for NATO: An Alternative to the Nuclear Balance of Terror // Parameters. Journal of the US Army War College. March, 1983. Vol. 13, № 1.
71. *Хозин И.* Стратегия «гибкого реагирования» (по взглядам военных специалистов НАТО) // Зарубежное военное обозрение. 1977. № 4.
72. *Betts R.* Conventional Deterrence: Predictive Uncertainty and Policy Confidence // World Politics. January, 1985. Vol. 37, № 2.
73. *Lieberman E.* Reconceptualizing Deterrence: Nudging Toward Rationality in Middle Eastern Rivalries. London and New York : Routledge, 2013.
74. *Covarrubias J.G.* The Significance of Conventional Deterrence in Latin America // Military Review. March-April, 2004.
75. *Lichtenstein W.* Conventional Military Deterrence – Its Rise to Dominance and its Future. U.S. Army War College, Carlisle Barracks. 2002.
76. *Gerson M.* Conventional Deterrence in the Second Nuclear Age // Parameters. Journal of the US Army War College. Autumn, 2009. Vol. 39, № 3.
77. *Мясников Е.* Высокооточное оружие и стратегический баланс. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ: Долгопрудный, 2000.
78. *Хряпин А.Л., Афанасьев В.А.* Концептуальные основы стратегического сдерживания // Военная мысль. 2005. № 1.
79. *Буренок В.М., Ачасов О.Б.* Неядерное сдерживание // Военная мысль. 2007. № 12.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2013 г.